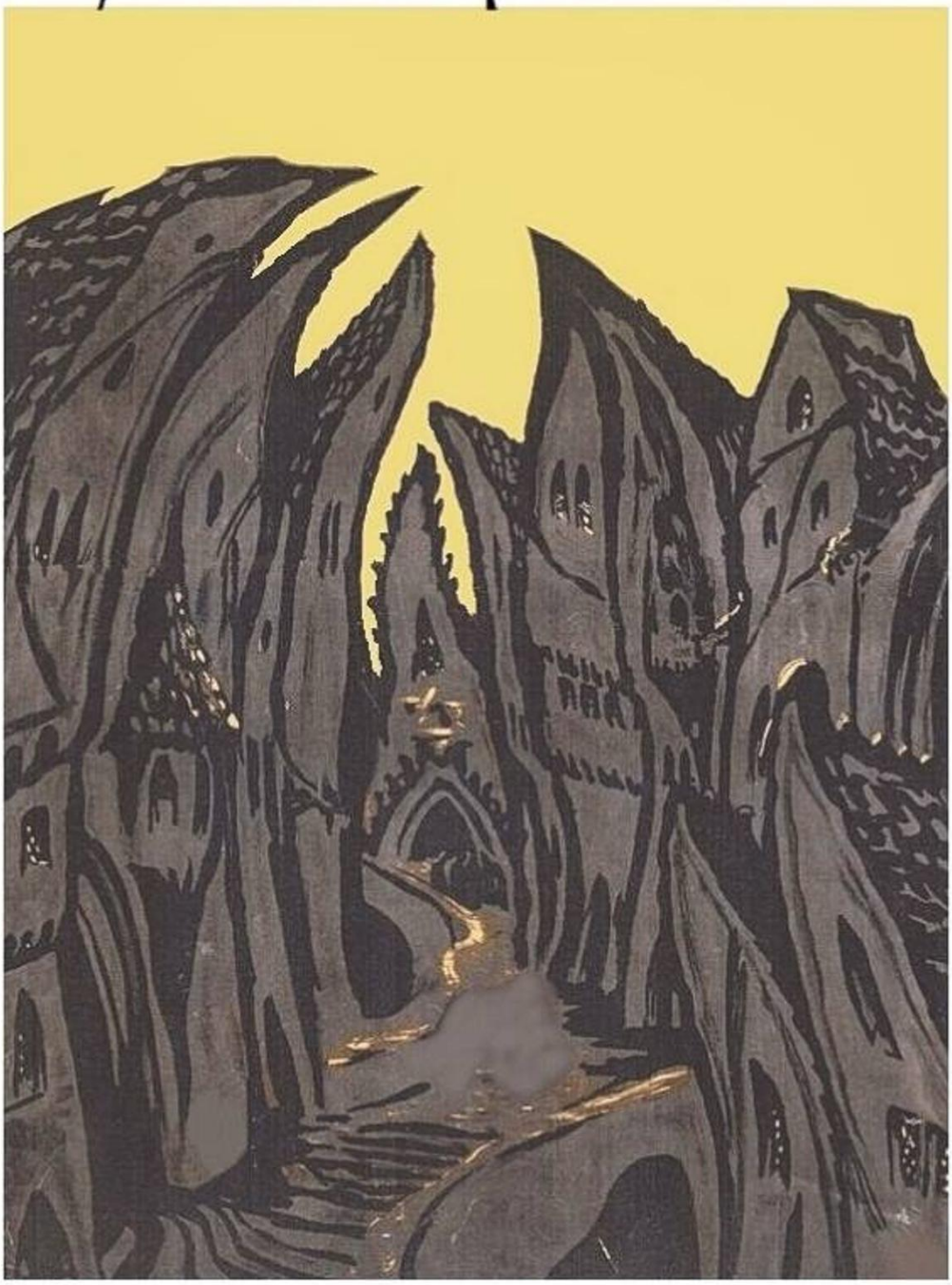
Грустные сказки Русской равнины

Вадим Васильев

Вадим Васильев

Грустные сказки Русской равнины

«Автор»
2026

Васильев В.

Грустные сказки Русской равнины / В. Васильев — «Автор», 2026

Иногда грустные, не совсем сказки, отчасти не русской, не всегда равнины.

© Васильев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Даша 5
Колосово озеро 9
Сёстры 12
Архитектор 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Грустные сказки Русской равнины

Даша

Для неё я был ещё тем экспонатом. Я помню, что каждый раз, стоило мне только открыть рот, помню, с каким удивлением она меня слушала. В нём было всё: и непонимание и восхищение. Ещё бы, я уж точно не жил по её правилам, скорее наоборот – жил вопреки. Девочка училась на какого-то там инженера, такого серьёзного, что я так и не запомнил даже названия. А после учёбы на дневном бежала на бизнес курсы и успевала ещё заниматься спортом. Тоже каким-то совершенно нелепейшим – флорболом (признаюсь, что с трудом сейчас вспомнил и это название). А ещё она фотографировала и делала это весьма неплохо. Когда я однажды спросил, зачем ей всё это, она ни секунды не раздумывая ответила: "Перспективы. Перспективы, которые я не должна упустить".

Я с её точки зрения не занимался ничем. На работе я только что и делал, как пил кофе и тратил свою драгоценную жизнь впустую. Сколько же раз я слышал от неё про эту драгоценную жизнь! Одну единственную и от того архиважную. А я относился к ней неподобающе. Хуже могло быть только выслушивать истории о бессмертной душе. "Словно для кого-то другого живёшь!" – ругала меня она. На работе я только пил кофе, а в свободное время пропадал в музыкальной студии у друга, но ничем там не занимался (наверное тоже пил кофе (что недалеко от истины)). Что ещё? Бессмысленно катался на машине по пустынным ночным дорогам, царапал стихи в блокноте, но ничего с ними не делал. Ей нравились стихи, но по её мнению они тоже должны были "работать". Весь мир должен был крутиться, вертеться, тянуть ладони к солнцу, расти. А я всего этого не делал. Даже когда мы познакомились, она была в движении, я в статике.

В летнем кафе, утром. В летнем кафе весной. Столики для некурящих. За столом сидел молодой человек. Тело его было обильно покрыто татуировками, на нём надета футболка с черепами, затертые камуфляжные шорты. На столе только чёрный кофе. В его руках блокнот и ручка, а в блокноте хаос стихов, рисунков и бессистемной прозы. В его взгляде безмятежность (наверное). На территорию кафе буквально врывается красивая девушка в деловом платье, в руке планшет и папка с бумагами. Строгие очки. Девушка явно торопится и ищет свободное место за одним из столиков, но на первый взгляд мест нет. Майским утром центр оккупирован туристами и бездельниками (такими как я). Блуждающий и торопливый взгляд девушки пересекается со спокойным взглядом молодого человека с блокнотом. Сошлись лёд и пламень, как говорится. Молодой человек кивает девушке в сторону свободного стула за своим столиком. Она мило улыбается и следует к нему. Со стороны они выглядели контрастно. Как ночь и день. Как чёрный и белый цвет. Девушка явно торопилась и не дожидаясь пока подойдёт официант, сама направилась к барной стойке. Вернулась с двойным эспрессо в руке (это я после узнал). Молодой человек поднял глаза и отложил в сторону свой блокнот.

– Здравствуйте – сказал он.

Так мы и познакомились. Звали её Даша. Она увидела блокнот со стихами и рисунками, и была удивлена такому предмету. На столике рядом с ней лежал IPad и блокнот для неё был просто антиквариатом, ему явно было место в музее в её глазах. Таким же антиквариатом показался и я. Анахронизмом. Занятным экспонатом. Помню, что было начало недели и она была очень удивлена, что я в такой день не работаю, а отдыхаю. Она заглянула в блокнот и похвалила меня за рисунки и за стихи, но сразу же стала расспрашивать о их судьбе. Публикую ли я их где-нибудь? Или почему бы мне не попробовать нарисовать что-нибудь серьёзнее и масштабнее. Ведь блокнот – не место для искусства. Искусство должно работать и зарабаты-

вать. Как и всё остальное в её механическом мире. Но я ответил ей, что в корне с этим не согласен. Что искусство никак не должно быть связано с какой-либо работой. Что искусство вообще никому и ничего не должно и не может иметь материальной цели. И цену тоже не может иметь. В довершение своих слов спросил, понравились ли ей стихи в моём блокноте, а после утвердительного ответа собирался показательно выбросить блокнот в мусорное ведро, но она попросила оставить его для неё.

– При одном условии – сказал я.

– При каком?

– Я напишу на одной из страниц свой номер телефона.

– Ну и пожалуйста, как вам заблагорассудится – ответила она и улыбнулась так, как умеют улыбаться только те девушки, которые нам действительно нравятся.

Я пролистал блокнот до чистого листа и написал свой номер телефона, а немного погодя вывел сверху четыре буквы: "ДАШЕ".

Так мы и познакомились. Видимо ей стало жутко интересно, каково это – жить совсем наоборот. Её интерес нас и сблизил. Впереди было всё лето и тем утром жизнь мне показалась не такой уж и плохой штукой. По крайней мере я сумел выменять у неё грустные стихи на красивую девушку.

***

Несмотря на Дашин загруженный график, виделись мы довольно таки часто. Не днями напролёт конечно, но всё же. Я мог оказаться где угодно и во сколько угодно, чтобы увидеться с ней (я ведь ничем не занимался). Мы могли полчаса пить кофе в середине дня. Или я мог подъехать к ней перед самой ночью, тогда мы долго беседовали в машине, а после она меня целовала и бежала спать. Целовала в щёку, события вообще развивались очень медленно. Её прямолинейность и деловитость пропадала, когда дело касалось всего личного и интимного. Но это ничего – думал я, так оно даже интереснее. Мне даже начинало нравиться выжидать её любовь, подобно тому, как охотник или рыбак выжидает свою добычу. Потом она бежала спать, а я возвращался домой по пустынной ночной дороге. Езды был почти час и я признаться, любил это время и до сих пор по нему скучаю. Пока я ехал, успевал обо всём подумать. Когда ты один в машине и летишь сквозь безлюдный простор на скорости больше ста километров – это и есть то время и то место, когда лучше всего думается, когда ты настоящий "ты", состоящий на сто процентов из себя.

Она была странной, но это по моему. Уверен, что для неё я тоже был странен и необычен – да, ещё тот экспонат. Но это не пугало меня, напротив вся эта странность необъяснимо манила. Затмевала всё остальное. И хоть события и развивались медленно, хоть она явно ни с чем не торопилась, тем не менее я ни о ком больше не думал. Мне было хорошо и спокойно. Что было очень не похоже на меня, каюсь. Никакая другая девушка в тот момент мне была не нужна. Я возвращался домой сквозь ночь и в мире никого больше не было, кроме меня, неё и безграничного ночного простора.

Мы часто спорили, что было совсем не удивительно. Во мне её возмущало практически всё. В ней меня тоже. Но к этому мы быстро привыкли. Мы были интересны друг другу, на этом всё и держалось. Признаюсь, что в мыслях у меня иногда возникало желание стать для неё этаким Тайлером Дёрденом из "Бойцовского клуба" – проехаться по её уютному миру экскаватором, но я боролся с этими мыслями. По крайней мере нарочно я не воевал с её мироустройством.

А ещё я стал приносить ей книги. Не поступаясь мало по мало к её образу жизни, я сразу пошёл в наступление. Первым делом я принёс ей "Волхв" Джона Фаулза и "Путешествие на край ночи" Селина. И взял с неё обещание, что она прочтёт эти книги, а после мы поговорим об

этом. Впереди у неё был так сказать отпуск, учёба прекратилась и по логике вещей у неё должно было стать больше свободного времени. Хотя для неё конечно не существовало подобного словосочетания. А через две недели, когда время появится у меня, мы договорились поехать на природу. Взять палатку и уехать на пару-тройку дней на Ладожское озеро. В мои заповедные места. На самом деле мне стоило большого труда уговорить её на эту поездку. И даже больше, я до последнего дня не был уверен, что она поедет. Для неё это казалось ужасной растратой времени. Драгоценного времени! А ещё ей было неудобно. Неудобно оказаться совершенно наедине со мной. Не на час, не на два и даже не на ночь. На три дня. И не в городе, где за стеной живут люди, где люди ходят за окном, где всюду люди. Там нет людей на километры вокруг. Это – словно оказаться на необитаемом острове. Она сказала мне об этом, добавив, что это очень сложно объяснить. Но на самом деле я её понял. Иногда понимаешь что-то, что не можешь понять на словах, но чувствуешь. Помню, я обнял её и сказал, что всё будет хорошо. Всё уже хорошо. К слову у меня уже всё было готово. И палатка и спальные мешки и планы.

***

Я вспоминаю, как около шести утра я забрал её из дома и мы направились на север. Мне приятно это вспоминать. Была середина недели и дороги были свободны, поэтому мы сделали сто пятьдесят километров за два часа. Это было очень хорошим результатом, учитывая, что последние двадцать километров приходились на просёлочные дороги, а порой и вовсе на настоящий лес. Плюс ко всему мы заезжали на заправку и выпили там кофе. Большую часть дороги она проспала, уж тут кофе не помог. Да оно было и к лучшему, не очень-то люблю я дорожные разговоры. Я делал музыку чуть слышной, так, что шорох колёс по асфальту был громче гитарных соло рока из семидесятых. В зеркалах над дорогой низко висело утреннее солнце. Дорожная разметка бежала навстречу моему сосредоточенному взгляду. А Даша красиво спала рядом.

Мне приятно вспоминать эти дни. И ночи тоже. Там, под шум волн на живописном берегу мы первый раз занимались любовью. Приятно вспоминать костёр, дыхание её и дыхание ветра. Брызги воды. Долгие разговоры в глубинах ночи. Утреннюю росу на палатке. Шорохи и запахи леса. Её милый смех, все эти улыбки.

А ещё я помню, что она рассказала мне про книги, которые я ей давал. Ей понравился Фаулз, а от Селина она была в шоке. Сейчас я улыбаюсь, вспоминая это. А книги так и остались у неё.

***

Сейчас, стоя двумя ногами в осени, я вспоминаю её фотографии. А она любила фотографировать, кажется я уже упоминал об этом, рассказывал вам. Я завариваю чёрный кофе в половине второго ночи. И стою двумя ногами в осени. Да, она любила фотографировать и это у неё неплохо получалось. Одну фотографию я даже выпросил (почти). На память. Нет, тогда я конечно так не сказал, но ведь знал же. Когда-то ведь я оставил ей свой блокнот. На память. И ещё пару книг. Поэтому и стащил у неё эту фотографию. Так вот, на ней, на этой фотографии спит её кошка. А кошки красиво спят. Как она. Кошка спит мордочкой на книге "Идиот" Достоевского. Его я не люблю, а кошек люблю. Даже очень. Кошка спит на фоне окна, а в окне ночь. И звёздное небо. Такое звёздное, что звёзд на нём словно больше чем черноты неба. Это самая лучшая её фотография. Это вообще самая лучшая фотография в мире. И она теперь моя, только моя. И почему-то из всего, что было между нами, эта фотография для меня осталась важнее всего. Важнее улыбок, тепла, моментов любви, поездок сквозь ночь, блеска

глаз, всего. Может это и неправильно, но примите это как данность. Я и сам не знаю, почему так. Поэтому я и не поделюсь ею с вами, вы уж извините меня. Это главная моя драгоценность.

***

Для неё я был ещё тем экспонатом. И наверное останусь таким навсегда. Люди мало меняются. Лето закончилось и я как-то ушёл. Так бывает.

Вы когда-нибудь думали о том, что мир существует лишь в вашем сознании? То есть он существует только когда, когда вы видите его. Закрыли глаза – и он пропал. Хотелось бы мне в это верить.

22 августа 2014

Колосово озеро

Вода там всегда была ледяная. Нет, у самого берега, где среди высокого аира плавали тысячи кувшинок было терпимо и на поверхности тоже. Плывёшь по не взбаламученной тёмной воде, солнце светит и вода достаточно тёплая, но только у самого верха, а сунешь ноги вниз – так их словно в лёд сковывает. Того гляди сведет судорогой. Кто-то из взрослых научил пришпилить к плавкам булавку на такой случай. Стоит кольнуть ей онемевшую ногу и ты спасен.

Что только не говорили об этом озере мальчишки. Передавали друг другу истории, одна нелепее другой. Кто-то, помнится, рассказал мне, что в одном месте, проплывая можно зацепиться ногой за крышу затопленного дома. Вру! Сначала он мне сказал про телевизионную антенну, за которую можно зацепиться ногой. А когда я стал взывать к здравому смыслу, он исправился и сказал, что это просто высокий дом, который однажды затопило. И было это конечно ещё в те времена, когда антенн и телевизоров ещё и в помине не было. И стало быть зацепиться можно за его крышу, дотянуться кончиками пальцев. И ещё что в этом подводном доме жили дед и бабка, и что они естественно и поныне там. Так и ждут, чтобы поймать кого-нибудь из нас, мальчишек.

Да что там истории! Я своими глазами видел, как по правильному кругу озера вдруг загуляют водовороты. То тут, то там появляются воронки, кружат по несколько секунд и исчезают. И не только это. Это далеко не самое страшное. Как говорят – это только цветочки.

А ягодки начинаются, когда вялотекущий летний день разбивает буча, внезапно образовавшаяся на улице. Бабы воют, мужики галдят, шум и гам по углам. Дети шныряют тут и там, путаясь под ногами в любопытстве. И я среди них. И что я слышу? Что узнаю? На Колосовом озере снова кто-то утонул. Ну так собственно всегда и бывает. То есть, если есть утопленник, все знают – Колосово озеро. Хоть в городке и окрестностях с полсотни озёр.

И я изучаю глазами толпу, пытаясь понять, кто есть кто. Так, а вот и его мать – старенькая, в платочке. Воет так, словно реактивный самолёт несётся над самыми макушками тополей. И под руки её держат две таких же старушки. Все бледные, как мел. Отец утопленника тоже здесь. Это легко, то есть его просто обнаружить. Стоит такой же бледный, старый, словно в центре круга стоит. Пьяный. Сильно пьяный. Долго ещё пить будет, а может и умрёт.

А толпа в это время всё разрастается, шум, гул, визг, плач, крик. Жара и пыль. Июльское солнце раскаляет головы, разбавляя эту картину. И только глаза начинают привыкать к происходящему, как толпа расходится, уступая дорогу толстому бородачу с крестом на пол-пуза. Пот гроздьями свисает с его грузного, некрасивого лица. И с каждым шагом, который даётся ему с трудом, словно капли дождя по стеклу скользит вниз, исчезая в густой чёрной бороде. Над ней невнятный нос и тёмные, маленькие поросячьи глазки. Мать утопленника тут же повисает у него на шее. Что-то воет сквозь слёзы, но слов не разобрать. Речь словно бы и не человеческая. Уткнулась лицом в его мокрую бороду. Пот и слёзы. Соль к соли.

Я немного выпадаю из картины и из повествования тоже. Я думаю о том, что в наших краях католиков намного больше, чем православных. Вот и костёл старый, большой и в самом сердце городка, а церковь – совсем маленькая и построена не так давно, да на выселках. Думаю, что если бы это был ксёндз, то он был бы без бороды. И может не такой толстый? А может он и не занимается таким. Так оно наверное и есть. Я смотрю на солнце и на макушки тополей, на раскалённый мир вокруг. Детям свойственно выпадать из картины и думать, думать, думать. А взрослые называют это рассеянностью. Как же сегодня жарко! И как приятно ловить всем телом малейшие порывы ветра, как же это здорово! Так здорово, что возвращаясь в реальность, мне становится совестно, за то, что мне здесь так хорошо, а в двух шагах окопалось горе. Как же сегодня жарко!

Проходит минута, проходит две, проходит какое-то время и толпа растянувшись неровным строем трогается с места. Шёпот бежит по рядам, сначала наверху, среди взрослых, а потом опускается ниже и уже шепчутся дети. Да, мы идём на Колосово озеро.

А дальше нас ожидает целый ритуал. И я всё вижу своими глазами, а так бы не поверил. Не поверил как в историю с затопленным домом. Дорога занимает какое-то время и она малоприятная. Ведь жара и всё такое. У кого-то горе, а кто-то просто нетерпелив. Ну и пыль ещё дорожная. Старики, взрослые, дети – всё смешалось. Никто не уходит и даже не отстаёт. Всем предстоит стать участниками таинства.

На зелёно-песчаном берегу озера неровный строй вновь обратился толпой. Но толпа стала тише, организованнее что ли. Собрались в круг. Дети, а среди них и я, бегают снаружи. Мы хотим услышать, разглядеть, узнать, что происходит внутри. Внутри этого круга. Но взрослые плотной стеной сомкнули кольцо. Но проходит минута, две, проходит какое-то время и кольцо размыкается. Все стены рано или поздно падают. В центре стоит поп. Его борода и поросячьи глазки словно стали ещё темнее. И пот уже не лежит горошинами на тучном лице, он размазан. Вид у него устрашающий, помню, что я испытывал страх, глядя на этого человека. Я отводил глаза, при малейшем движении его глаз, только бы он не посмотрел на меня в ответ. Наверное взгляд этих неприятных глаз испепелил бы меня. Я машинально сделал шаг назад. А толстый бородач тем временем шагнул вперёд. И я увидел в его руках некий предмет. Приглядевшись я различаю блюдце, а на поверку там оказывается и свеча. Вернее будет сказать огарок свечи. Поп тяжело и медленно шагает по направлению к воде. Никто ему не мешает, все почтенно держатся на расстоянии. Только молодой мужчина в рясе семенит сзади. Меня в тот момент вообще удивляет поведение всех и каждого. Словно я очутился в театре, всё словно сотни раз отрепетировано. Все движения выверены. Только дети немного выпадают из общей картины. Бородач подходит к краю берега и с трудом опускается на колени, молодой мужчина в рясе придерживает его рукой. Бородач наклоняется и ставит блюдце на воду, а на блюдце ставит свечу. Чиркнув спичкой, её зажигает молодой человек в рясе. После этого кто-то словно нажимает на реверс и все движения идут в обратном порядке: бородач, с помощью своего помощника медленно поднимается на ноги и не торопясь ползёт к толпе. Задом наперёд. На берегу этого чёртового озера.

А я снова заплутал в своих мыслях. Но прихожу в себя через минуту, две, через некоторое время. Десятки глаз направлены на воду. Все как один в одну точку. Теперь и мои тоже. Мы смотрим на блюдце. А оно в свою очередь внезапно начинает движение по абсолютно спокойной воде. Уверенно плывёт по чёрному зеркалу озера. А мы все как один молчим. Даже дети. Колдовство, да и только! Блюдце ускоряется. В отсутствии ветра всё кажется просто невероятным. И кто-то начинает перешёптываться. А кто-то всё так же молчит, разинув рот. Дети, взрослые, старики… А блюдце плывёт и плывёт, пока так же внезапно, как и начало движение, не останавливается, как вкопанное. И застывает на фоне чёрной воды, метрах в десяти от берега. Бабы начинают выть. Тогда без всяких слов трое мужиков переглядываются и выступают из толпы. Идут к воде и начинают раздеваться. Молча. На землю падают штаны, майки, нательные кресты. И вот трое из ларца ровной шеренгой становятся у кромки воды. Бородач подходит к ним и перекрещивает каждого по три раза своими толстыми пальцами. Шепчет что-то. Наверное молится. А мужики молчат. На лицах ни эмоции, вообще ничего. Это меня тоже очень удивило. Проходит минута, две, проходит какое-то время и они уже плывут среди тысячи кувшинок. Там, где вода ещё тёплая. Плывут дальше.

Возбуждённое сознание плохо запоминает увиденное. Тут начинаются какие-то провалы. Словно помехи по радио. Словно белый шум. Я не помню, сколько раз они ныряют и выныривают, чтобы набрать воздуха, прежде чем крикнуть, что нашли утопленника. И не помню, сколько раз ныряют ещё, чтобы достать его. А его, утопленника, вытащенного на берег я хорошо запомнил – молодого парня, белого как снег. Теперь уже навсегда молодого.

Всё потом смешалось. Буквально и в моей памяти. И в моём повествовании. Крики, шум, разговоры, плач и водка в руках взрослых. Бородач вытирает блюдце о рясу и прячет его в широких чёрных одеждах. Послушник снимает руки матери утопленника с его шеи. Что-то шепчет ей, наверное успокаивает напоследок. Они исчезают.

Потом приезжает машина – грузовик синего цвета и несколько мужиков грузят тело прямо в кузов. И после этого люди понемногу расползаются. Остаются только самые близкие и пьяные. Или те, кто хочет напиться. Дети уходят, и я вместе с ними. Какой жаркий день!

25 октября 2014

Сёстры

Ретроспектива

Старшая любила самолёты. И была блондинкой. А ещё я любил её. Но что-то у нас не вышло и она ушла. Прекрасная история, не правда ли? Но большего я не вспомню, вернее не буду вспоминать. Даже не знаю, зачем я начал со старшей сестры. История то по большей части не о ней.

Чем они манили – так это взглядом в первую очередь. Собственно взгляд и выдал мне младшую сестру, в смысле выдал родство со старшей, той, которая была мне близка когда-то. Этот взгляд: потерянный, бездонный, влажный. Можно найти множество красивых и не очень слов, но лучше всего почувствовать его на себе. О да, именно из-за такого взгляда и стрелялись поэты. Но мне то что, уже не стреляются. Да и я никакой не поэт. Даже для себя. Уже и в стол не пишу. Создал папку для новых стихов, назвал её "ИСЧЕЗНОВЕНИЕ" и не открывал год. Занялся промоушеном можно сказать – исчез. Нет, не совсем, просто из жизни многих. В том числе и из жизни её сестры. В неизвестном направлении отправился. Исчез в утреннем тумане. Или сгинул в буре. Не суть важно.

И вспомнил её именно в тот момент, когда наши взгляды пересеклись. Тут я и почувствовал себя поэтом, как и всегда бывает при встрече с прекрасным. Что-то вспыхнуло внутри. Светлое, тёплое, подлое. Такое разное, что не уловить, что же это такое. Одно я понял сразу: что увижу ещё этот взгляд и увижу ни раз. И его обладательница будет моей.

Глубокой осенью я сидел в кафе и по обыкновению пил чёрный кофе.

Паутина

Я плету паутину воспоминаний, нарушая все правила повествования. Ну и ладно, я же не математикой занимаюсь. Чувств во мне на десятерых. И мыслей тоже. Но что от этого хорошего? Это как в лесу заблудиться.

Разные вопросы

Близился новый год и события прошлого декабря и настоящего невероятно повторялись. Всё было похоже, ведь и тогда близился новый год (какое замечательное наблюдение), просто условно вместо А была Б. Место одной сестры заняла другая. Порой они перемешивались у меня в голове, они были похожи. И если младшая снимала очки, смывала с себя косметику, то становилась полной копией старшей, за исключением цвета волос и роста. Младшая была брюнеткой и была ниже старшей сантиметров на десять. И звали её Машей. Пришло время познакомить вас с ней.

Иногда, когда мы спали вместе и я просыпался раньше, у меня возникало странное чувство. Дежавю и что-то ещё. Я подолгу мог смотреть на её спокойное спящее лицо и слушать дыхание. В такие моменты непонятно что мне казалось. Мне было радостно отчего-то и отчего-то стыдно. Вроде я чувствовал вину перед её сестрой, но непонятно за что. Целая палитра мутных чувств разливалась по мне.

Мы много ссорились. В основном потому что она любила погулять. Поехать с подругами в клуб раз в неделю было в порядке вещей. И вернуться домой только на завтра. Я не любил её наверное никогда, но ревновал. "Ну если хочешь, то поехали с нами" – говорила мне она. Я отвечал, что не хочу "ну если хочешь". Я много думал. Убеждал себя быть спокойным. Ведь в

конечном счёте я не относился к ней так же как её сестре в своё время. Если так разобраться, то мы просто спали. И всё. И ничем другим я себя не обременял. Но и тут мне нужна была её верность, хоть я и убеждал себя не относиться к ней серьёзно. И тут мне хотелось сделать из неё "человека".

А ещё я больше всего боялся, что её сестра узнает о нас. Я конечно ничего не потерял бы, но мне было бы стыдно. Ведь она подумала бы, что я просто бабник. И была права отчасти, конечно. Но подумала бы, что я к ней и к её сестре отношусь одинаково, а это было не так. Старшую я даже уважал, наверное можно и так сказать. Но младшая оставила больший след во мне. Каким бы знатоком человеческой души я себя не представлял, не знаю как так вышло. К счастью они жили раздельно. Думаю она так и не узнала про нас с сестрой. Надеюсь на это.

Стих

Маша едет домой из клуба,
на улице пять утра.
Машу проводит домой подруга,
а может быть даже сестра.
Маша курила гашиш и плясала
на круглом и грязном столе.
Маша едет домой, устала,
а что она скажет мне?
Что она скажет, если я буду рядом?
Что, если я буду ждать?
Маша, мне это вовсе не надо.
Маша, ложись в кровать.
Пусть новый день отыграет все карты
и я растворюсь в небытие.
Маша с другим начнёт всё сначала,
Маша, удачи тебе.

Другие вопросы

Я не любил её, но что-то чувствовал с первого взгляда. Липкое, вязкое, нездоровое чувство. Когда мы засыпали вместе я всегда подолгу думал. Что делать? Как быть? Неужели она совсем не такая как я? Неужели у неё не бывает таких мыслей? О чём она вообще думает? О клубах? Но ведь иногда в этих зелёных глазках блестело что-то хорошее. А что для неё делал я? Только спал с ней, шутил. Иногда дарил цветы. Она любила герберы. А что, если я полюблю её? Я знал, что это будет реально плохо. Намучился бы я капитально. Я ведь убеждал себя, что с ней можно только спать. А в одну из ночей я и вовсе надумал всё прекратить. Получилось это не сразу, но получилось.

А ещё я заранее чувствовал вину. Странное такое чувство, просто знал, что скоро уйду. Но вину не за это чувствовал. За то, что не увидел в ней ничего светлого. Как не искал. За то что и теперь не вижу. В её сестре видел, но ведь в этой истории о её сестре написано значительно меньше. Поэтому и прощаю себя. Реабилитирую себя тем, что мысли в кафе стали рассказом. Рассказом о ней.

Ещё одни

А ещё всё заканчивалось, потому что я никогда не знал, что делать дальше. Ну познакомились, пообщались, погуляли, переспали, стали вместе жить, а дальше? Я вот вспоминаю, когда был совсем маленький. Думал тогда: вот будет у меня девушка, будет секс там, жить вместе будем. И думать тогда ни о чём не нужно будет, всё само будет как-то. Планета ведь вертится сама. И деревья растут, лето сменяет осень. Но что с людьми? Что дальше? Дальше – жить! Тогда я совсем не понимал, что значит "жить". Признаться и сейчас не до конца понимаю. Не имея даже мечты порой ищу счастье в уюте. В чашке кофе, в каплях дождя на стекле кафе. Да, да, я ведь честно сейчас с вами. Сижу в кафе и пишу этот рассказ.

Ящик Пандоры

Я дико ревновал её. Да, я всех девушек ревную. Бывало так, что не им, не мне продыха не было. И Маша не была исключением, это уж точно. Я не любил её, но в противовес были клубы и гулянки. Это и подпитывало мою ревность. И эта ревность была ужасной, отравляющей.

Однажды я довёз её вечером до дома, а сам отправился к себе. В тот раз мы ночевали не вместе. Когда я вернулся домой была уже ночь (между нашими домами было больше часа езды). Я умылся, лёг в постель и залез с телефона в социальную сеть, где меня встретило сообщение от Маши, что она где-то потеряла мобильный. А потерять его она могла только в моей машине, потому как что-то писала, когда я вёз её домой. Это я помнил точно. Что было дальше? Идефикс! Сердце чуть не выпрыгивало из груди. Я не мог не одеться. Не мог не выйти на улицу. Не мог не дойти до машины. Взбудораженный, я даже не догадался набрать её номер. При беглом осмотре салона телефон не нашёлся, но когда я стал рыскать повсюду, светить фонариком, я нашёл его под пассажирским креслом. Сердце ёкнуло и бешено застучало в груди. Дыхание участилось. Вот он – ключ от всех дверей! Вот ответ на все мои вопросы касаемо её. Касаемо нас. В тот момент я почувствовал себя хозяином всего.

Вернувшись домой я написал ей о том, что телефон нашёлся, ничего больше не добавляя. Текст был нарочито спокоен. Сказал, что никуда не полезу. А она попросила просто выключить телефон, чтобы мне было спокойно. Что бы я "не вздрагивал от каждого звука". И я выключил его. Никуда не полез. А знаете почему? Нет, не потому что я такой благородный. Нет. И не потому что внезапно стал ей доверять. Нет, нет и ещё раз нет. Скорее напротив даже. Я внезапно осознал, что если залезу в сообщения, звонки, социальные сети, то открою ящик Пандоры. Из которого тут же наружу вырвется столько моих персональных ужасов, что всё будет кончено. Раз и навсегда. Так, что мне покажется невозможным даже отдать ей этот треклятый телефон. В тот момент я ещё не был готов порвать со всем. Всему приходит своё время.

Полночи я не мог уснуть.

***

Я не падаю в пропасть, я вишу на руках,
Но это не сила, а всего – лишь страх.

Андрей Лысиков

***

Мантра

Я часто говорю разным людям фразу "Всё будет хорошо". Однажды, после очередной ссоры она у меня спросила, что эта фраза означает. К этому я не был готов, даже самому

интересно стало, что означает эта мантра. Тогда я не ответил ей ничего, но долго думал и сейчас готов дать ответ. Она означает: "Всё пройдёт".

29 ноября 2014

Архитектор

Итоги

Увидел! Ровно в двенадцать часов. Приехал на час раньше. Но это всё не важно, важно, что увидел. Старый Арбат и радость. Солнце и улыбки. Наши с ней улыбки. Держу за руку, за талию, целую. Солнце и она, она и я, я и солнце. И впереди всё лето. Да, чёрт возьми, вся жизнь впереди! Получилось – думаю я. Получилось.

Начало

Весь день насмарку. Вернулся домой, мои смотрели телевизор. Там повествовали душераздирающую историю о стрелочнике железной дороги и о его сложном моральном выборе. Кто не знает, ситуация такова: его ребёнок оказался на рельсах, а навстречу движется поезд полный живых душ, человек сто например. Стоит нашему герою перевести стрелку и ребёнок спасён, но тут же в ад отправятся все пассажиры поезда №666. Либо же наоборот – он может ничего не делать, но тем самым не спасёт своё дитя. Что за чушь! – подумал я и не стал дослушивать историю. Ушёл на кухню. Там встретил кошку. Ну что за вздор! Я бы не выбирал, даже если бы на рельсах была моя кошка. Особенно, если бы на рельсах была моя кошка – подумал я, а кошка в свою очередь потёрлась о ноги и заурчала. Какое право мы имеем? Всё просто: если жизнь человека бесценна, то почему несколько жизней должны быть дороже одной? Жизнь – не математика. А если и так, бесконечность минус миллион равно бесконечность… Одним словом дома было невыносимо. А за окном как назло пошёл дождь.

Она снова приснилась мне в первый действительно тёплый день весны. Пусть и дождливый. До этого её не было полгода. И весь день пошёл насмарку. Пришёл домой вечером через дождь. Скачал новый сингл PLACEBO, не помню название. Сделал почему-то чай с лимоном, хотя всегда пью кофе. Перечитывал "Компромисс" Довлатова.

В те дни я вообще ни о чём не думал. Когда утро застилало город туманом, я молча глядел в окно. А город прятался в тумане.

Определённо нужно было что-то менять. Куда-то ехать, кого-то видеть. С чего-то начинать, но как я уже и говорил: начинания мне давались трудно. Книги пылились на столе, ноутбук, часы. Я оглядел комнату и она была серая. Словно день. Словно осень. Словно вся жизнь! Вчера запоздно возвращался домой, задрал голову – россыпь звёзд. Странно, что здесь в Москве, да ещё и в пасмурную погоду их было так много. Не по себе стало, чуть ли не до слёз. Ведь порой не хватает счастья просто смотреть на них. А можно рядом с прекрасной девушкой. Лучше рядом с прекрасной девушкой. Счастья хочется. Вместо него получаешь половые и бытовые дела. Серую, пыльную жизнь. Вместо человеческого счастья, любви, дружбы, максимум что ты получаешь – уют. Возможность лёжа на диване переключать каналы. Или пить хороший кофе. Сбежать из зимы в мир книг, фильмов и музыки. Что завтра? Не знаю.

И так она снова стала снится мне. Вернее снова приснилась и надеюсь, что сегодня это повторится. Девушка из сна, прекрасная незнакомка, словно бы Блоковская дама – моя милая L. Сколько же слов можно подобрать. Но не хотелось слов. Хотелось снов. Такой вот каламбур. Но на часах было ещё только девять вечера, а ложусь я обычно в два часа ночи. Тут уж никак не уснёшь. Нужно ждать. Ожидание хуже всего – подумал я. Хотя и ждать то нечего было. Сна? Смешно! От безнадёги я стал разбирать хлам в ящиках стола: бумаги, нужные и нет, визитки, карты, письма. Пыль и полумрак. Стало ещё сильнее не по себе, тогда я развалился в кресле и попытался всё же уснуть. Но тщетно. Тяжестью в груди и блужданием мыслей в туманной

голове, рядом со мной была она. Где-то слева в груди, или как там обычно говорят? Была рядом, но навстречу мне она не спешила. Сон не шёл. Я поднялся на ноги и нашёл в столе початую пачку сигарет. Я бросил курить пару месяцев назад и хорошо держался, я вам скажу. До сегодняшнего вечера. Я вернулся на прежнее место, раскрыл окно и закурил, скидывая пепел в цветочный горшок. Посмотрел на улицу через левое плечо, небо было фиолетовым. Фиолетовым, какое обычно рисуют в мультфильме "Симпсоны". Обратите внимание как-нибудь, это очень красиво. Вот и мне кто-то нарисовал это небо. Спасибо, мне нравится. Я выкурил пару сигарет и в голове помутнело. Я вжался в уютное кресло всем телом. Сквозь все стены моей комнаты были слышны звуки. Шаги, отдалённые голоса, шорохи. Я закрыл глаза.

Где-то там

Из сна в сон блуждая. Сквозь войну и смерти, сквозь тревогу, сквозь рваные стихи я искал тебя. А когда нашёл, продолжил искать.

Выставка редких вещей мистера Архитектора

Следующая картина не имела начала. Небо было красным. Нет, расскажу по порядку. Я стою спиной к бетонной громадине, на которой безвкусным грубым шрифтом сложено из металла слово “ТЕАТР”. Я знаю, только непонятно откуда знаю, ведь у этой истории нет начала. Так вот, я знаю, что внутри бетонной коробки проходит выставка неких картин. Напротив бетонной громадины стоит жёлтый школьный автобус, какой я ни разу не видел взаправду, но какие мы все видели в американских фильмах. Внутри улыбчивые лица старшеклассников. Внутри смех, шум и гам. Мелодия из музыкальной шкатулки играет фоном для общей картины. Синие окна. Жёлтый автобус. Помните? Еллоу блю бас – я люблю вас. Или я один помню это? Светит солнце.

Я оборачиваюсь на сто восемьдесят градусов и шагаю в сторону “ТЕАТРА”. Я приближаюсь ближе и смотрю на массивные металлические конструкции букв, парящие над головой. Смотрю и открываю двери. И вот я нахожусь внутри. Здесь мрачновато, такой приглушённый свет, от которого обычно уютно. Обычно, но не в данном случае. Изнутри здание напоминает паутину достаточно широких коридоров. По периметру стен застеклённые витрины, освещающие пространство тёплым жёлтым электричеством. Это единственный источник света, поэтому пролёты между витринами съедает темнота. В коридорах ни души. Я хожу от витрины к витрине и рассматриваю монохромные фотографии, выложенные на красном бархате. Маленькие, большие, групповые, разнообразные. Внезапно я ловлю себя на двух мыслях: все эти лица на фотографиях я только что видел снаружи, в окнах автобуса, а самое главное – я всех их знаю. Поразительным образом все эти люди собраны там снаружи. Поразительным потому что они живут в разных городах, потому что я знал их в разное время, потому что между ними может быть разница и в двадцать лет, в тридцать. Но все они сидят там в автобусе и всем им лет шестнадцать. В крайнем удивлении и растерянности я брожу по коридорам “ТЕАТРА”, в сознание меня приводит огромная экспозиция черепов. На ней ровными рядами выставлены светло-серые черепа разных размеров. Стоят они бессистемно, не по размерам точно. Я вспомнил, что однажды в детстве видел похожую картину, в "Кунсткамере", когда нас классом отвезли на экскурсию в Петербург. Петербург мне тогда этим и запомнился и всё детство был для меня "могильным" городом. Я вспомнил, как мне тогда было неприятно смотреть, но как я держался перед одноклассниками. Что я заметил не сразу, так это маленькие таблички под каждым из них, где чёрным по белому стоял номер и имя "владельца". А имена, имена мне были очень знакомы. Всех этих ребят и девчат я только что видел в автобусе снаружи. А потом, потом меня передёрнуло, словно от удара током. Свет в коридорах “ТЕАТРА”

стал поочерёдно гаснуть. Темнота ела метр за метром пространство. Мир словно сворачивался, а я в ужасе развернулся и бросился прочь к выходу.

Распахнув двери я остолбенел, забыв даже от чего убегал. Улицу было не узнать. Небо было красным, оно словно горело изнутри. А здесь на земле всё было покрыто тенями. Тени лежали пугающе. Где по три, где по пять от каждого предмета. Всё кроме неба было сплетено из оттенков серого. В этом мире все остальные цвета отсутствовали. Потом я ощутил какое-то мерцание за своей спиной и испугавшись резко обернулся. Над входом, где некоторое время назад я наблюдал буквы из металла, выплавленные неизвестным мастером полвека назад, над входом их больше не было. Вместо них красными неоновыми огнями мерцала огромного размера вывеска. Да, на ней было написано: "Выставка редких вещей мистера Архитектора".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.